

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Л. П. МАРИНОВИЧ, Е. С. ГОЛУБЦОВА, И. Ш. ШИФМАН, А. И. ПАВЛОВСКАЯ, *Рабство в восточных провинциях Римской империи в I—III вв.*, М., «Наука», 1977, 213 стр.

Рецензируемая монография посвящена истории рабства в восточном регионе Римской империи в первые три века нашей эры. Она примыкает к одновременно опубликованной монографии по истории рабства в западных провинциях. Обе монографии не только дополняют на провинциальном материале исследования Е. М. Штаерман по истории рабства в период республики и империи (на примере Италии), но и показывают специфику рабства в каждой из провинций или в отдельном их комплексе. Эти две коллективные монографии, продолжающие серию «Исследования по истории рабства в античном мире», раскрывают институт рабства в греко-римской античности более полно и в то же время более детально. Взятые вместе, эти работы позволяют представить картину римского рабства в развитии в период республики и в империи в целом. Общеизвестно, сколь большое значение имеет провинциальный материал при исследовании процессов социальной и культурной романизации римских провинций. Именно он позволяет увидеть переплетение, сочетание и взаимопроникновение римских и местных начал в различных сферах социально-экономической и культурной жизни провинций. Это становится еще более очевидным при обращении к истории рабства.

Рецензируемая монография состоит из четырех разделов: каждый из них посвящен исследованию рабства в одном из регионов Восточного Средиземноморья — в провинции Ахайе, Малой Азии, Сирии, Палестине, Египте. Для всех этих областей Римской империи рабство было известно задолго до римлян и определялось оно здесь рядом социально-экономических, историко-географических факторов. Отсюда стремление авторов книги вскрыть своеобразие римского рабства и показать те формы зависимости, которые могли быть унаследованы от доримского периода. Для одних провинций, вследствие состояния источников, более отчетливо видны отношения римского рабства, для других, напротив, — его местные особенности. Специфика источников и их известная уникальность дала возможность осветить одни стороны римского рабства на материале одной провинции, в то время как другие его аспекты могли быть прослежены на основании данных из других провинций. В этом отношении особенно интересен комплекс греческих манускриптов римского времени из провинции Ахайя и богатейший, разнообразный документальный материал, сохранившийся в папирусах. Большую ценность имеет и массовый эпиграфический материал из полисов и сельских местностей Малой Азии.

Несмотря на различие источников, находившихся в распоряжении авторов, для всех разделов совершенно очевидна общая тенденция рассматривать рабство как систему определенных социально-экономических отношений и стремление выявить его роль в социально-экономической жизни провинции. Насколько позволяют источники, авторы рассматривают рабство в развитии на протяжении I—III вв. Заслуживает

внимания попытка автора раздела о рабстве в Египте установить критерии для определения роли рабства в экономике провинции и в ее социальной структуре. Убедительно положение о том, что роль рабского труда в экономике едва ли можно определить исходя из общего соотношения числа свободных и рабов в той или иной социальной группе, в отдельном поселении. Более важно, по мнению А. И. Павловской, сопоставить число хозяйств, использовавших труд рабов в той или иной деревне, определить долю рабовладельческих хозяйств в общей сумме средств производства и в общем количестве производимых продуктов хотя бы в рамках одной деревни, причем следует учитывать и хозяйства мелких рабовладельцев, в которых хозяева трудились вместе с рабами.

Авторы книги стремятся раскрыть содержание тех или иных терминов, употребившихся в источниках для обозначения состояний рабства или зависимости. Иногда вносятся уточнения в уже принятые дефиниции. Эти попытки не ограничены исследованием правовой стороны рабства, часто уже служившей предметом изучения, а направлены на выявление социальной сущности терминов в связи с социально-экономическими условиями в каждой провинции. В этом отношении интересны и приводимые иногда наблюдения о том, как рассматривались социальные связи самими древними. Эти сведения и терминологический анализ дают возможность раскрыть многообразие и гибкость форм зависимости, полнее объяснить содержание определенных социальных терминов, характеризовать сущность исторических понятий. Привлечение «невывраженных» надписей, содержащих только обозначение правового статуса, и надписей без патронимикона представляется оправданным, так как в этих надписях находят отражение реально существовавшие отношения провинциального общества.

Поскольку конкретно-исторические условия развития провинций обусловили различные градации в формах рабства и в характере зависимости, о чем сообщают отличающиеся большей спецификой источники, представляется необходимым кратко остановиться на каждом из разделов монографии.

В первом разделе — «Рабство в провинции Ахайе» (Л. П. Маринович) рассмотрены особенности рабства в этой области данных рабовладельческих отношений. Сравнительный анализ главным образом литературных источников и сведений надписей позволяет автору пересмотреть, а иногда уточнить ранее принятые в науке положения о некоторых особенностях рабства в этой провинции. Главное внимание обращено на такой важный источник, как манумиссии. На основании детального и тщательного анализа данных 132 манумиссий из Дельф, манумиссий из других городов Фокиды, Западной Локриды, Магнинеи раскрываются социально-правовые аспекты рабства в этой провинции. Сопоставление выкупных цен на рабов приводит Л. П. Маринович и к другим интересным выводам: отсутствие разницы в ценах при отпуске рабов с парамона и без нее; установление в определенных оговоренных случаях большей платы за ограниченную свободу, чем за полное освобождение; малое различие в суммах в зависимости от пола и возраста, выплачиваемых рабом при освобождении, свидетельствует о характере самого отпуска на свободу. Выясняется, что выкупались преимущественно некалифицированные рабы.

Автор дает также свое понимание термина «парамонарий» в римское время. Поставлен вопрос, уже привлекавший внимание ученых, о том, является ли парамонарий свободным? На основании обобщения данных манумиссий римского времени Л. П. Маринович приходит к обоснованному выводу: парамонарий римского времени, как и парамонарий периода эллинизма, с юридической стороны выступает как свободный человек. По реальным условиям своего существования он также близок к парамонарию периода эллинизма, жившего в условиях, близких условиям существования раба, т. е. находившегося в состоянии «полусвободы». Автор этого раздела выделяет некоторые новые черты отпуска, присущие римскому времени: упрощение самого текста манумиссий, общее упрощение условий освобождения, появления клаузул о детях. Последнее обстоятельство, как справедливо отмечает автор, свидетельствует об определенных затруднениях с источниками пополнения числа рабов, что было характерно для римского времени, о заинтересованности в малолетних рабах, о прямом действии внеэкономического принуждения. Очевидно, как замечает автор, отпуск рабов на

волю [при условии парамонэ был более эффективным способом эксплуатации рабов, так как господин] сохранял право на труд раба, заинтересовывал его в результатах труда, обеспечивал замену отпущенника более молодым работником. Оценивая высоко этот содержательный раздел книги, все же заметим, что, на наш взгляд, картина рабства в провинции Ахайе могла бы быть более полной, если бы автор рассмотрел категорию императорских рабов и вольноотпущенников.

Следующий раздел книги посвящен исследованию особенностей рабства и форм зависимости в Малой Азии, отличавшейся большими географическими контрастами, различиями в уровне развития полисной системы в характере экономической и социальной жизни. Е. С. Голубцова совершенно правильно поставила своей задачей выявить и исследовать наиболее типичные формы зависимости отдельно для городов и сельских местностей. Такая постановка вопроса дала возможность более дифференцированно характеризовать общие и особенные черты в проявлениях рабовладельческой системы в городах и селах Малой Азии и, следовательно, выявить реальную сущность социальных дефиниций. Употребление в надписях из малоазийских полисов различных терминов для обозначения рабов позволило автору выделить категории рабов, живущих в городах, — общественных или городских рабов, определить выполняемые ими различные обязанности, рабов частных лиц и императоров. Императорские рабы и вольноотпущенники составляли в Малой Азии замкнутую и устойчивую группу. В городах, как отмечает автор, определенное значение имела категория домашних рабов-вскормленников (*φρεπτοί*), выросших в доме господина и обычно выполнявших работу по дому и в хозяйстве своего господина, а также его различные поручения. Термины *δοῦλος*, *σκις*, встречающиеся в надписях из городов Малой Азии, также обозначали состояние рабской зависимости.

Е. С. Голубцова констатирует рост вольноотпущенничества в I—III вв., имущественную дифференциацию среди отпущенников императора и частных лиц и среди неполноправного населения, представленного в надписях именами без патронимикона. Интересны наблюдения автора этого раздела о некотором своеобразии отпуска рабов на свободу в городах. Здесь сохранились давние традиции и специальные законы, регулировавшие отпуск рабов на свободу и, очевидно, восходившие еще к эллинистическому прошлому полисов. Города не считали как отмечает автор, что отпуск рабов на свободу был личным делом владельца. Е. С. Голубцова указывает на тесную связь с городами отпущенников, которые в I—III вв. играли значительную роль во всех областях жизни полиса.

Рассматривая формы зависимости сельского населения, автор указывает на его этническую и социальную неоднородность. Особые черты эпиграфических свидетельств из сельских местностей, когда вследствие минимальной информации надписей с упоминанием категории неполноправных лиц не представляется возможным определить их социальное положение с достаточной точностью. Заслуживает внимания данный Е. С. Голубцовой анализ социальной сущности термина *φρεπτός* на основании эпиграфических и литературных источников. Автор полагает, что этой категории сельского населения принадлежала важная роль в многообразной жизни сельских поселений, поскольку *φρεπτοί* часто упоминаются в надписях. Другая категория неполноправного населения в сельских местностях представлена обозначенными в надписях лицами без патронимикона. Редкое упоминание в надписях из сельских местностей термина *δοῦλος* дает автору основание полагать, что рабы не были в деревнях основной рабочей силой. Рассматривая данные о вольноотпущенниках из сельских местностей Малой Азии, она приходит к заключению о четком разграничении в положении вольноотпущенников и лиц свободного происхождения. Потомки вольноотпущенников, как считает Е. С. Голубцова, не могли приобрести тех прав, какими обладали свободные. Этим следует объяснить, по ее мнению, социальную замкнутость отпущенников в сельских местностях, где они не ассимилировались со свободнорожденным сельским населением. В императорских и частных именах автор выделяет в качестве основной категории работников рабов и отмечает, что «вскормленники» упоминаются в надписях только как исключение.

На основании обстоятельного исследования Е. С. Голубцовой вырисовывается своеобразие форм зависимости в Малой Азии. Однако некоторые положения даны несколько суммарно. Это замечание следует отнести к суждению автора о том, что «хозяйство вольноотпущеника было приблизительно таким, как и у среднего крестьянина ...» (стр. 100). Возникает вопрос, в чем заключается сходство — в величине имения, в количестве рабов? На наш взгляд, несколько преувеличена обособленность вольноотпущенников среди других категорий сельского населения Малой Азии.

В отдельном разделе рассмотрено рабство в Сирии и Палестине (И. Ш. Шифман). Рассматривая разрозненные, иногда единичные документы из Пальмиры, Дура-Европос, Антиохии и других городов Сирии, содержащие скудные, отрывочные сведения о рабах, автор пытается определить понятие «раб» с юридической точки зрения, а также с точки зрения роли рабов в экономической жизни провинции. И. Ш. Шифман отмечает неоднородность в имущественном отношении этого слоя населения Сирии. Он показывает, что среди рабов, являвшихся объектом собственности, были лица, подвергавшиеся эксплуатации в сельском хозяйстве и в различных сферах производственной деятельности. Вместе с тем некоторые из таких рабов сами были собственниками и выступали как предприниматели. Как в заключение пишет автор, они могли стать «(по крайней мере потенциально) угнетателями и эксплуататорами» (стр. 127). В это же время среди свободных появились лица, лишенные средств производства, парамонарии из числа свободных, положение которых фактически не отличалось от положения рабов. Представляет интерес выявление специфических черт, присущих рабовладельческим отношениям в Палестине. Автор отмечает, что иудейское право знает две категории рабов: «вечные» рабы, которыми могли быть только инородцы, и рабы-единоплеменники. Первые, согласно установлениям талмудического права, которое, по замечанию автора, целиком, соответствовало римскому законодательству, не имели, «по крайней мере теоретически, самостоятельной, не зависимой от волеизъявления господина права и дееспособности» (стр. 122). Библейское и талмудическое право ограничивало права господина на владение рабом-единоплеменником, во-первых, определенным сроком эксплуатации раба, и, во-вторых, тем, что покупатель такого раба не приобретал права на отчуждение раба-единоплеменника, владельческих прав на его имущество и должен был освобождать его на седьмой год в соответствии с нормами библейского права.

Останавливаясь на тенденции развития рабства в рассматриваемых им провинциях, автор считает, что в странах переднеазиатского Средиземноморья обнаруживается определенная, хотя и медленно действующая тенденция к постоянному изживанию рабовладельческих отношений. Однако вследствие краткости самого раздела и известной схематичности в анализе источников, в сопоставлении весьма разновременных и разнохарактерных данных не все суждения И. Ш. Шифмана представляются достаточно убедительными. Так, сопоставление данных Дигест и талмудического права требовало больших пояснений и доказательств. Положение автора о том, что появление «временного рабства» было одной из форм возникновения колоната и что в Иудее колонат развивался за счет арендных отношений, нуждается в более полном обосновании.

В последнем разделе монографии — «Рабство в римском Египте» (А. И. Павловская) дано многостороннее освещение системы рабства в этой провинции. На основании обширного материала источников рассмотрены наиболее важные аспекты рабства в Египте: источники пополнения числа рабов, их использование, социально-правовое положение рабов, отпуск рабов на свободу, положение вольноотпущенников, категория императорских рабов и вольноотпущенников. Автор показывает, что среди источников пополнения численности рабов особое место принадлежало воспитанию доморожденных рабов, выращиванию рабов из подкинутых детей, продаже детей в рабство. Покупка и продажа рабов внутри Египта оценивается А. И. Павловской не как самостоятельный источник рабства, а как перераспределение собственности на рабов среди тех или иных социальных групп. Интересно ее наблюдение о численности рабской фамилии у жителей Арсиноитского и Оксиринхского номов (от двух до семи рабов) и выдвинутое и обоснованное в исследовании положение о соответствии в Египте мелкого рабовладе-

ния мелкому экономическому производству в I—III вв., что обусловлено экономико-географической средой и историческими традициями. Убедительно показана специфика использования рабов; они рассматривались как имущество, обладавшее определенной ценностью и одновременно способностью приносить доход вне рамок домашнего хозяйства (сдача рабов в наем, в аренду, в залог). Автор рассматривает роль рабов в хозяйстве землевладельца и определяет место рабского труда в сельском хозяйстве — основной отрасли экономики провинции. А. И. Павловская показывает, что в мелких рабовладельческих хозяйствах, где хозяева сами участвовали в работах, а рабская фамилия насчитывала не более 10 человек, функции рабов были разнообразны. В имениях средней величины в начале II в. и в крупных владениях в середине III в. применялись три категории рабочей силы: рабы-ойкеты, свободные постоянные работники и эпизодически нанимаемые поденщики. Автор предпринимает попытку дать дефиницию некоторых терминов, обозначающих рабов, например термина ойкет.

Выделены особые черты в социально-правовом положении рабов, обусловленные, с одной стороны, сохранением традиций, а с другой — проникновением норм и законов греческого и римского права. Автор отмечает, что в римское время, как и при Птолемах, рабы рассматривались как самостоятельные в правовом и экономическом отношении субъекты, как низший слой населения, непосредственно ответственный перед государством за уплату налогов и повинностей. Вместе с тем они считались частным имуществом. В семейном праве тоже видно влияние местных традиций. Римляне были вынуждены допускать браки рабов со свободными женщинами, их дети сохраняли статус свободнорожденных. Заключение смешанных браков, приведшее к тому, что члены одной семьи могли иметь разный правовой статус, совмещение правовых статусов в положении одного и того же лица, возникшее в результате практики долевого владения рабом нескольких лиц одновременно (обычно наследников), свидетельствует о любопытном переплетении в реальной действительности состояний свободы и рабства. Своеобразие рабства в римском Египте и само положение этой провинции в системе империи раскрыто автором также в специальном рассмотрении категории императорских рабов и отпущенников, их роли в социально-экономической и общественной жизни Египта. В исследовании приведены документы, свидетельствующие об оживленной деловой, предпринимательской и административной деятельности рабов и отпущенников императоров. Наиболее влиятельные из них, занимавшие придворные и административные должности, часто становились владельцами поместий в Египте (Шаллант, Нарцисс и др.). Другие группы занимали видные посты в египетской администрации. Автор показывает, как часть императорской фамилии, вступая в брак с местными жителями, постепенно заполняла штат имперской администрации. Они составляли ядро романизированных слоев населения и привносили в провинцию римские нормы морали и права.

Это интересное исследование рабства в римском Египте, на наш взгляд, могло бы быть дополнено рассмотрением свидетельств о религиозных верованиях и представлениях рабов.

Оценивая высоко это серьезное, первое в нашей историографии исследование по истории рабства в восточных провинциях Римской империи, можно высказать, однако, несколько соображений. Хронологические рамки работы определены I—III вв. Уже с конца II в. и особенно в середине III в. заметен кризис рабовладельческого способа производства, проявившийся в социально-экономической и внешнеполитической жизни римского рабовладельческого общества. Кризис не мог не сказаться и на системе рабства в провинциях, и этот вопрос, как нам представляется, мог быть поставлен на «провинциальном» материале. Была бы интересной и постановка вопроса о типах хозяйства в рассматриваемых провинциях, подобно тому как это сделано для Египта. С имениями средней величины обычно ассоциируются товарные виллы, основывавшиеся главным образом на рабском труде. В этой связи было возможным привлечение археологического материала о римских виллах в провинциях.

Эти замечания никоим образом не умаляют достоинств данной работы. Монография представляет большой интерес как по собранному материалу источников, так и

по научной значимости исследованных в ней вопросов. С одной стороны, в ней показана универсальность и гибкость римской системы рабства, легко приспособившейся к различным местным условиям, с другой, — различные варианты самого института рабства. Исследование проблем рабства на провинциальном материале открыло некоторые новые стороны рабовладения, важные для понимания общих закономерностей развития римского рабовладельческого общества.

Н. Ф. Мурыгина
